

The background of the cover is a vibrant cosmic scene. At the top, a large, glowing orange and red nebula dominates the upper half. Below it, a dense field of stars in various colors (blue, white, yellow) is scattered across a dark blue and black space. The overall effect is that of a deep-space photograph.

ЗОВ ПАМЯТИ

Михаил
Самарский

Михаил Самарский

Зов памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Самарский М. А.

Зов памяти / М. А. Самарский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Герои повести проснулись в незнакомом месте. Как выяснилось, они были много веков заархивированы (примерно по типу лампы Алладина). Среди проснувшихся оказались представители 18, 20, 21 и даже 31 веков. Несмотря на существенную разницу в знаниях, и образовании, людям пришлось решать задачу выживания. Чужая планета оказалась пригодна для жизни земного человека, хотя и с некоторыми странностями.

Посвящаю преподавателям и студентам МГУ им. М.В. Ломоносова

*Мысль человеческая не может изобрести
чего-либо несуществующего. Невозможное
не может зародиться в мысли; всякая идея,
какой бы странной она ни казалась, где-нибудь
существует, иначе мысль не могла бы
формулировать её...*

В.И. Крыжановская

От автора

Дорогие друзья, все мы читаем те или иные книги, смотрим те или другие фильмы, слушаем музыку, рассматриваем картины, и мы не знаем, как отзовутся в наших сердцах новые слова, новые звуки, новые цвета и оттенки, по какой дороге поведёт нас разум, каких высот мы достигнем с помощью новых знаний и новых эмоций. Но можно с уверенностью сказать: если нами движет жажда знаний, если мы не будем стоять на месте, если мы желаем творить и фантазировать, то впереди нас непременно ждут и новые вершины, и новые свершения!

И ещё: будет большой несправедливостью, если я не отмечу, что на написание этой книги меня вдохновили труды учёного-естествоиспытателя, астронома Михаила Васильевича Ломоносова, историка, географа Василия Никитича Татищева, основоположника теоретической космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского, академика, создателя науки биогеохимии Владимира Ивановича Вернадского, писателя, руководителя поисковой экспедиции «Гиперборей» Валерия Никитича Дёмина, учёного, лингвиста-любителя Валерия Алексеевича Чудинова, историка, философа Сергея Вячеславовича Перевезенцева.

Глава 1

Проснувшись, Дмитрий Котуков по привычке ещё долго не открывал глаза. Любимое время помечтать о приятном. В этот раз он размышлял о том, как проведёт летние каникулы вместе с Настей. При воспоминании о ней, он улыбнулся и почувствовал, как волна желания прокатилась по телу. С девушкой парень познакомился неожиданным образом. Они с друзьями что-то бурно обсуждали в фойе университета и вдруг, Дмитрий почувствовал на себе взгляд, который буквально прожигал его спину. Он резко повернулся и увидел смотрящую на него девушку. Ее волнистые каштановые волосы рассыпались по плечам, а в зеленых глазах играли веселые огоньки. Тогда Дмитрию показалось, что он никогда не видел таких красивых глаз. Дмитрий не знал, была ли это любовь с первого взгляда, но не мог отрицать искру, вспыхнувшую между ними.

Затем, вспомнив университет, переключился на учёбу.

«Сессия позади, – мысленно произнёс он, – впереди последний курс, госы, диплом и... свободен как птица в полёте. Откровенно говоря, надоел мне этот универ, хуже пареной репы. Но спорить с предками бесполезно – вот подай им высшее образование, хоть тресни! Мать так и сказала: окончи ВУЗ, а дальше решай сам. Я в твою личную жизнь лезть не буду, делай, что хочешь. Ага, – мысленно усмехнулся Дмитрий, – «свежо предание, да верится с трудом», так и не будет лезть. Уже взялась за Настю: то выглядит она вульгарно, то косметикой не умеет пользоваться, то одевается безвкусно, то книг мало читает... Мне кажется, маме моей угодить

невозможно, хоть настоящую принцессу приведи, всё равно найдёт недостатки и попросит сто раз подумать, прежде чем совершать серьёзные поступки. Интересно, а что она подразумевает под серьёзными поступками?».

На последних мыслях парень улыбнулся и вдруг сообразил, что лежит на чём-то твёрдом, совсем не похожем на постель в его спальне. Осторожно, всё ещё не открывая глаз, проведя рукой рядом с собой, он ощутил пугающую прохладу. Дмитрий открыл глаза и обомлел, он лежал на каменном полу, в помещении, напоминающем пещеру. Откуда-то издалека пробивался луч слабого света. Юноша осторожно ощупал себя – пиджак, туфли, брюки, рубашка ...

«Что за херня? – Он вспомнил, как вышел из университета, дошёл до супермаркета, повернул к станции метро и.., – А что дальше? А дальше-то я и не помню. Так-так-так! Или... Нет, точно не помню! Да как же так? Что случилось? Вроде никогда не жаловался на память, алкоголь вчера не употреблял...»

Где-то неподалеку разговаривали люди. Котуков приподнялся, сел на пол, обхватил руками колени и прислушался к голосам. Разговор показался каким-то очень странным. Кто-то говорил о необходимости что-то срочно сообщить компетентным органам, мол, нас похитили, это преступление и так далее. Дмитрий насторожился, находиться здесь, в полутемноте было просто невыносимо. Он медленно поднялся с пола, аккуратно ступая, словно передвигаясь по минному полю, подошел к выходу, постоял, немного послушал, набрав полные лёгкие воздуха, резко выдохнул и вышел наружу. От яркого света Дмитрий зажмурил глаза, а когда открыл их, перед ним открылась картина вроде загородного пикника. Залитая солнцем поляна, местами окружённая кустами и деревьями, выглядели они так, словно над ними поработал садовник с тонким чувством юмора; внизу, метрах в пятидесяти виднелась река. Дмитрий с друзьями не раз бывал за городом на шашлыках, но тогда окружающая природа выглядела по-другому. В увиденной картине было что-то необычное. Посреди поляны пятеро незнакомцев, обсуждающих своё странное положение. Четверо мужчин разного возраста и одна девушка-блондинка, державшая на руках милого пуделя. Тот, увидев новичка, беззлобно твякнул, скорее, для проформы, чтобы отчитаться перед хозяйкой и засвидетельствовать факт своего присутствия. Девушка, прикрыв наманикюренной рукой собаке пасть, тихо сказала:

– Тоша, свои!

«Чего это она меня сразу в свои записала?», – мысленно удивился Дмитрий и тихо, стараясь придать своему голосу бодрость, сказал:

– Здрасьте!

– Во! – гаркнул полноватый мужчина лет тридцати в малиновом пиджаке. – Ещё один! Ты откуда?

– Оттуда, – Котуков кивнул в сторону выхода из пещеры.

– Да это мы видим, – рассмеялся толстяк. – Сам-то откуда будешь, братишка? Где живёшь?

– В Москве, – опасливо озираясь по сторонам, ответил парень.

«Странный тип, – настороженно подумал Дмитрий, – таких обычно показывают в фильмах о новых русских, промышлявших в девяностые. Может, актёр?».

– В общем, картина ясна, – щёлкнул пальцами незнакомец, – я подозреваю, это люберецкие что-то сотворили. Вы заметили? Мы все тут жители Москвы. – Он протянул парню руку и представился: – Лёха Москворецкий. Слышал?

– Не-а, – замотал головой Дмитрий и поморщился от крепкого рукопожатия, – не слышал. Дмитрий, – представился он в ответ.

– Не слышал? – удивился Лёха. – Ты точно в Москве живёшь? Или в области?

– Точно, – улыбнулся Котуков.

– Чем занимаешься? – любопытно спросил Москворецкий.

– В универе учусь.

– Молодец! – похвалил Лёха. – А у меня сестрёнка Нинка в следующем году школу заканчивает. Ты в какой школе учился?

– В 1239...

– Это где такая?

– На Вспольном переулке. Метро Баррикадная.

– Понятно, а Нинка моя в Жулебино учится, школа номер 1084, я иногда её туда на машине подвожу.

– Далеко от школы живёте? – поинтересовался Дмитрий.

– Да нет, – рассмеялся Лёха. – Просто перед подругами иногда хочет повыпендривается.

– Чем? – удивился Дмитрий.

– Ну, у меня «мерин шестисотый», сам понимаешь, это же круто...

– В смысле, «мерседес»? – уточнил парень.

– Угу, – закивал Лёха. – У них в школе таких только два, у меня и ещё у одного экстрасенса – он людям гадает. А у вас в школе были такие машины?

– Были, – улыбнулся Дмитрий. – У нас, наверное, половина студентов в универе на мерседесах ездят. Кого сейчас этим удивишь?

– Да ладно! Что за университет?

– МЭУ, – сказал Котуков и на всякий случай расшифровал аббревиатуру, – Московский экономический университет.

– Хм! – пожал плечами Лёха. – я что-то о таком даже не слышал. Хорошо. Выберемся отсюда, я подъеду, гляну, что по чём. – Он взглянул на часы, приложил их к уху и принялся махать рукой, пояснив Дмитрию: – долго спал, даже часы успели остановиться.

Второй мужчина лет сорока, маленького роста, не сказать, что толстый, но с отвисшим животом, держал в руках большой кожаный портфель и всё время вытирал платком обильно потеющую лысину. Глаза у портфеленосца были на выкате и бегали из стороны в сторону, губы влажные, на щеке, рядом с правым крылом носа, расположилась крупная родинка, больше похожая на бородавку.

– Извините, товарищ, – произнёс он, – но я не москвич, я проживаю в Красноярске, в Москву приехал на двадцать шестой съезд партии. И вот... несчастье такое... как бы уснул... не могу понять...

– На какой ещё съезд? – выпятил губу Лёха. – Что за партия?

– Вы что? – мужчина с портфелем аж подпрыгнул на месте. – Съезд КПСС. Я делегат съезда. У нас одна партия...

– У кого это у вас? – нахмурился Лёха.

– Как это? – мужчина вжал голову в плечи. – Ну, как же? У нас в СССР... Понимаете?

– Не понимаю! – замотал головой Лёха. – У тебя, что, мужик, с головой проблемы или о дерево стукнулся? Что-то с памятью?

– Что вы себе позволяете? – нервозно вскрикнул мужчина с портфелем. – Вы... Я...

– Но Алексей прав, – неожиданно вмешалась в разговор блондинка. – КПСС давно нет, как и СССР.

Мужчина с портфелем побледнел и, опёршись о дерево, схватился за сердце.

– Это провокация, – громко, глотая слюну, прохрипел он, – прошу при мне такие разговоры не вести. Я не из Москвы, я приехал из Сибири на съезд партии, я...

Стоявший тут же мужчина лет пятидесяти, странно одетый и подпоясанный каким-то шарфом, вдруг, подошёл к сибиряку и сказал:

– Барин, я тоже не из Москвы!

Делегат после этих слов едва не свалился в обморок.

– Вы что, товарищ? – дрожащим голосом сказал он. – Какой я вам барин? Вы стоворились все тут?

Старик рассмеялся, поклонился перепуганному делегату и сказал:

– Как смешно ты меня назвал, барин, но я не торговец, я никакой не товарищ. Я Матвейка из Романовки. Крестьянин, землелашец...

– Погодите, друзья, – неожиданно раздался голос худошавого мужчины, до этого стоявшего молча в стороне. – Что-то тут не так. Давайте пока прекратим споры и не будем торопиться с умозаключениями. Предлагаю тщательно обследовать, с позволения сказать, – он кивнул в сторону пещеры, – данное помещение. Возможно, тут есть кто-то ещё из наших соотечественников, после чего соберёмся и проведём собрание, обсудим...

– Я ни в каких обследованиях и собраниях принимать участие не буду, – заявил красноярец. – Нужно вызывать компетентные органы и...

– Послушай, Федя, – перебил Лёха Москворецкий и подошёл вплотную к делегату, – ты уже достал всех своими компетентными органами. Ты что, не видишь, где мы находимся? Нас завезли на какой-то остров. Какие органы? Ты чего несёшь?

– Я не Федя, – испуганно произнёс мужчина, захлопав глазами, – меня зовут Трухин Николай Борисович.

– Неважно! – махнул рукой Лёха. – Федя, Коля, Вася...

– Ну, как же, не важно, это моё имя, я делегат двадцать шестого съезда...

– Уважаемый, пока оставим все эти разговоры, – предложил подошедший мужчина, – тут произошло какое-то недоразумение. Давайте знакомиться, – он протянул руку Николаю Борисовичу, – меня зовут Кирилл Андреевич, Кирилл Андреевич Голиков, я преподаю в МГУ, предмет «современное естествознание».

Трухин осторожно пожал руку и, тяжело вздохнув, потупил взгляд.

– Господа! – раздался голос блондинки, делегат вздрогнул и округлил глаза. – Меня зовут Маша, то есть Крючкова Мария Николаевна. – Скажите, а вы тоже купили путёвки на «Экстрим-Тур»?

– Что за тур? – разинул рот Лёха Москворецкий. – Ну-ка поподробнее, плиз!

– Я заплатила пять тысяч долларов за эту поездку, – сказала Мария. – За что мне пообещали улётный тур, полный неожиданностей и экстрима...

– Мне экстрима и на работе хватает, – ухмыльнулся Лёха. – А тебя просто развели на бабки.

– Почему сразу «развели»? – обиделась Маша. – Я сама выбрала программу и всё такое...

– Извините, барышня, – спросил профессор, – а что у вас в программе прописано, можно взглянуть?

Мария пошарила в сумочке и протянула профессору документы. Тот пробежался по ним взглядом, перевернул страницу, поцокал языком и протянул бумаги обратно девушке.

– Нет, по-моему, это не то, что вы думаете, – виновато сказал он.

– Как не то? – возмутилась девушка. – Вы хотите сказать, что меня обманули?

– Пока я ничего не хочу говорить, – сказал профессор. – У меня есть кое-какие предположения, но сначала давайте осмотрим нашу пещеру. Вдруг кто-то здесь есть ещё из людей. Давайте соберём всех и будем решать, что произошло и что нам делать дальше.

– Я думала, вы сотрудник фирмы и будете сопровождать меня до места отдыха, – сказала Маша.

– Нет-нет, Мария Николаевна, – усмехнулся Голиков, – я никакого отношения к вашей фирме не имею.

– Жаль, – вздохнула Мария. – Но я всё-таки считаю, что эта пещера... и всё это, – она помахала вокруг себя руками, – это всё часть моей программы.

– Часть её программы, – передразнил Марию Лёха. – А мы тут при каких корзиночках? Я в твоей программе не участвую, но кто меня сюда приволок? А их, – он кивнул в сторону Матвея и Трухина, – как сюда угораздило? Видишь, у мужика даже крыша поехала.

– Вы хотите меня обвинить, – девушка едва сдерживала слёзы, – в том, что это я виновата? Я вас всех впервые вижу... я...

– Да ладно тебе, – уже мягче произнёс Лёха, – не вздумай плакать, всё хорошо, разберёмся. Никто тебя ни в чём не обвиняет. Успокойся. Это я так, – Москворецкий подошёл к Марии и погладил ее по руке.

На поляне возникла неловкая пауза. Все поглядывали друг на друга и молчали. Первым нарушил тишину профессор МГУ.

– Молодой человек, – Кирилл Андреевич обратился к Дмитрию, – как вас зовут?

– Дмитрий! Но можно просто Дима.

– Отлично, Дмитрий! Позвольте обратиться к вам с просьбой?

– Да, без проблем, обращайтесь, – смущённо ответил Котуков.

– Пройдитесь, пожалуйста, по пещерке, внимательно посмотрите, может, кого ещё встретите, приглашайте их к нам сюда, на свежий воздух. А мы потом более тщательно поработаем, я видел там много всякой химической посуды.

– Хорошо, – согласился Дима и нырнул в пещеру.

К профессору подошёл Лёха и отвёл его в сторону.

– Слушай, Андреич, ты как думаешь, эти двое, ну... эти... «барин» и «холоп», они нормальные? Мне кажется они из «психушки» нарезали.

– А с чего вы, Алексей... э... как вас по батюшке?

– Да ладно тебе, – Москворецкий хлопнул профессора по плечу, – называй меня просто Лёхой и на «ты», я не привык к таким телячьим нежностям. Кстати, слушай, у меня сестра скоро школу заканчивает. Поможешь ей в МГУ поступить?

– Каким образом? – улыбнулся профессор.

– Ну, ты что? – развёл руками Лёха. – Маленький, что ли? Не переживай, денег хватит... Всё будет пучком.

– Алексей, – перебил профессор, – мне кажется, нам сейчас не об этом нужно думать, произошло что-то неординарное. Сдаётся мне, у нас большие проблемы. Очень большие. Вот почему вы решили, что товарищи, как вы выразились, «нарезали» из психбольницы?

– Так ты разве сам не слышал, что они несут? Один делегат съезда КПСС, другой баринами всех погоняет, ну, типа крепостной он...

– А тогда ответьте мне на один вопрос: какой стране сейчас принадлежит полуостров Крым? – неожиданно спросил Голиков.

– Ну, профессура! – хмыкнул Лёха. – Экзамены на ходу устраивает! Кончай ты это дело, Андреич. Ты к чему это спрашиваешь? Думаешь, я настолько тупой, что не отвечу?

– Думаю, что не ответишь, – улыбнувшись, заявил профессор. – Вернее, ответишь, но неправильно!

– Да ладно, – нахмурился Лёха. – Крым на Украине.

– Вот-вот! Ты из какого года? – спросил профессор.

– В смысле, родился? – спросил Лёха.

– В смысле, уснул когда? Какой год был у тебя?

– Ты гонишь, профессор? Я что год проспал, что ли?

– Нет, не гоню, – Кирилл Андреевич, рассмеявшись, похлопал Лёху по плечу, – скорее всего мы не год и не два тут проспали. Ты так и не сказал, какой год сейчас по твоему мнению?

– 1997.

– А кто президент России?

– Борис Николаевич, – усмехнулся Лёха. – А что?

– А то! Я, например, уснул в 2017 году. Ехал из Университета домой. Кстати, а Крым уже три года, как снова в составе России. Да и Ельцин давно умер, похоронен на Новодевичьем кладбище. Понимаешь?

Лёха Москворецкий присвистнул:

– Ничего себе! Ты не обманываешь?

– Зачем? Ну, сам подумай, зачем мне тебя обманывать? Делать мне нечего? – вздохнул Кирилл Андреевич.

– Что-то мне прямо не верится! – Лёха потёр висок. – Если ты говоришь правду, то получается, что я проспал двадцать лет?

– Именно так! – подтвердил Кирилл Андреевич.

– Ё-моё, – Москворецкий хлопнул себя по лбу. – А этот делегат? Выходит он... когда он уснул?

– Если учесть, что двадцать шестой съезд КПСС состоялся в 1981 году, это был последний брежневский съезд, то уснул наш делегат тридцать шесть лет назад. Я тогда ещё сам папаном был.

– Мистика какая-то, а как же «холоп»? – Лёха усиленно чесал затылок. – С ним вообще... – он что, тут двести лет проспал, что ли?

– Не знаю, Алексей, не знаю, – тяжело вздохнул профессор, – но что-то тут не так.

– И что будем делать? – почему-то шёпотом спросил Лёха.

– Прежде всего, думать, – ответил профессор. – Нужно хорошенько подумать и разобратся...

Лёха неожиданно отскочил от профессора и, тыкая пальцем за его плечо, закричал:

– Смотри! Смотри!

Профессор обернулся и вздрогнул. Из-за дерева всего в метрах пяти-шести на них смотрело странное существо, напоминающее оленя, только окрас его шерсти переливался цветами. Животное постояло несколько секунд, и, когда резко развернулось, на его затылке люди заметили еще два глаза. «Олень» вдруг стал полностью зеленым, прыгнул и исчез в кустах.

– Что это было? – спросил Лёха.

– Понятия не имею, – пожал плечами профессор.

– Куда это нас забросили, если тут даже олени четырёхглазые да какие-то разноцветные? В этот момент Кирилл Андреевич заметил на дереве птицу.

– Надо же, – кивнул он на ветку, – птица тоже четырёхглазая.

– И кажется, тоже разноцветная, – уточнил Лёха.

– Да, точно, – присмотревшись, подтвердил профессор. – По-моему, мы попали на остров каких-то мутантов.

Неожиданно раздался истошный крик Марии. Мужчины кинулись к ней. Оказывается, её напугала змея, выползшая из-под листвы. Мария была бледна, словно утренняя манная каша. Она дрожала и пыталась что-то сказать, но у неё не получалось. Той-пудель, не обращая внимания на змею, с изумлением наблюдал за хозяйкой. Видимо, он испугался крика своей хозяйки ещё больше, чем она змеи.

– И гадюка тоже с четырьмя глазами, – произнёс Лёха. – Очень странно.

– Смотри, барин, – отозвался Матвейка, державший в руках бабочку, – здесь у бабочек четыре глаза.

– Андреич, мне приятель рассказывал, что такие в Чернобыле летают... Елы-палы, – хлопнул себя по лбу Лёха, – а мы случайно не в запретной зоне находимся? Может тут радиация? Как можно проверить?

– Никак! – ответил профессор. – С помощью естественных человеческих чувств обнаружить её нельзя.

– Может, по запаху или на вкус?

– В том-то и дело, что она не имеет ни вкуса, ни запаха, ни цвета, она беззвучна и невидима.

– Но как-то же её определяют? – развёл руками Лёха.

– Определяют, – тяжело вздохнул Кирилл Андреевич, – но обнаружить радиацию можно только с помощью приборов. Называются они дозиметрами, радиометрами и пр.

– Стрёмно, конечно, – вдобавок Лёха употребил крепкие слова и продолжил: – но в любом случае, что-то нужно делать...

В этот момент из пещеры вышел Дмитрий, рядом с ним шёл парень на вид лет двадцати пяти.

– Знакомьтесь, Яр! – объявил парень. – Больше в пещере никого нет. Но Яр, между прочим, появился здесь, благодаря мне.

– Что значит, благодаря тебе? – удивился профессор.

– Я случайно уронил капсулу, вы сами видели, их там миллион. Она вдребезги, а на месте её падения вдруг образовалось такое, знаете, – Дмитрий руками попытался изобразить шар, – облако, похожее на обычный пар. Через несколько секунд облако рассеялось, а на его месте прямо на полу лежал Яр, – пояснил Димка.

– Это так? – спросил профессор.

– Да, – кивнул Яр и спросил: – Ситер, а почему у вас и остальных нет анализаторов памяти?

– Что ещё за анализатор? – удивлённо спросил Лёха. – И ещё раз, как ты назвал профессора? Осётр или свитер?

– «Ситер» – это планетарное, то есть межконтинентальное обращение к человеку, когда не знаешь, с какого он материка, ну, что-то вроде гражданин мира, – пояснил Яр и спросил: – Вы с какого континента?

– Допустим, Евразия, – ответил профессор.

– Почему, допустим? – удивился Яр. – Вы не знаете, точно с какого вы континента?

– Знаю, – улыбнулся Кирилл Андреевич. – Но...

– Вы не ответили на мой вопрос, – перебил новичок, – почему у вас отсутствуют анализаторы памяти? Я сообщу о вас в Высший совет.

– Ещё один! Бляха-муха, откуда вы берётесь? – хмыкнул Лёха. – Тот в компетентные органы собрался заявлять, этот в какой-то верховный совет. Ты чего, хлопок?

– Не в верховный, а в Высший совет! – поправил Яр. – Если в вашей голове нет анализатора памяти, это уголовно наказуемое деяние. Это немисливо, это недопустимо, это...

– Братан, остановись, – Лёха похлопал новичка по плечу, – хватит причитать. «Немыслимо, недопустимо», – передразнил он Яра, – всё у нас мысленно и всё у нас допустимо. Ты лучше скажи, в каком году ты уснул? Ты ведь тоже случайно тут придремал, правильно я понимаю?

– Да уснул, – подтвердил Яр. – Пока не могу разобраться, что произошло.

– Ну вот, видишь? – рассмеялся Лёха. – Сам ещё не разобрался, а уже сообщать куда-то собрался.

– Но...

– Давай без этих «но», – не дал говорить Лёха, – ты так и не сказал, в каком году, прикимарил-то?

– По какому летоисчислению вас утроит мой ответ? – спросил Яр.

– Новая эра у нас, – пояснил профессор, – то есть от Рождества Христова.

– Невероятно! – воскликнул парень и добавил: – Тогда значит, в 3027.

– В каком? – недоумённо и хором спросили Лёха и профессор.

– В 3027 году, – повторил Яр, и добавил: – Тридцать первый век.

– Профессор, – язвительно произнёс Лёха, – а мы тут с тобой удивлялись, сколько Матвейка проспал... А он оказывается, так просто прилёт отдохнуть...

– А вы, я так понимаю, уснули ранее двадцать пятого века?

– Я в 2017 году, – вздохнул профессор и кивнул в сторону коллег по несчастью, – есть ещё раньше.

– Я тоже в 2017 году, – сказал Дима.

– И я, – сказала Мария.

– А я в 1997, – грустно произнёс Лёха.

– Слушайте, Яр, – сказал Голиков, – а почему вы только что сделали акцент на двадцать пятом веке?

– С двадцать пятого века у нас началось новое летоисчисление. На земле была страшная катастрофа, наша планета едва не погибла, но нам удалось её сохранить. Высший совет решил, что наступила новейшая эра.

– Любопытно, – покачал головой профессор, – надеюсь, вы нам расскажете всё, что произошло на земле, пока мы тут, как говорит наш коллега, «кимарили»?

– Если это будет вам интересно, с удовольствием, – пожал плечами Яр.

– Надеюсь, у вас больше нет к нам претензий по поводу отсутствия катализатора? – спросил Кирилл Андреевич.

– Анализатора, – поправил Яр. – Нет, вопрос исчерпан. Но теперь проблема у меня.

– Что ещё? – хором спросили Лёха, Мария и Голиков.

– У меня нет связи с «паснетом».

– Это ещё что такое? – спросил Кирилл Андреевич.

– Это как в древности интернет, только раньше можно было перемещать информацию, а теперь...

– Во как! – перебив, воскликнул Лёха. – Никогда не думал, что меня живьём в древние люди запишут.

– Прощу прощения, – сказал Яр, – я не хотел вас обидеть.

– Да какие обиды, братан, шучу я, – рассмеялся Алексей.

– М-да! – вздохнул профессор и добавил: – Я тоже никогда не думал, что человек может прожить более тысячи лет.

– Товарищ, а вы можете объяснить, что с нами происходит? – неожиданно спросил Трухин у новичка.

– Могу, я, кажется, понимаю, что произошло и со мной, и с вами, – сказал Яр. – Но мне необходимо немного подумать. У меня нет связи. Это очень плохо.

– Да у нас ни у кого нет связи. Все мобилы сдохли! – сказал Алексей.

– Что «сдохли»? – спросил Яр.

– Телефоны, в смысле, – пояснил Лёха. – А у тебя, кстати, есть телефон?

– Нет, – улыбнулся Яр. – Телефонов на земле нет уже давно, лет пятьсот.

– А как же вы разговариваете? – удивился Москворецкий.

– Через анализатор памяти, – Яр постучал себя по лбу. – Подключаюсь к глобальной системе «паснет» и говорю с теми, кто пожелал мне ответить.

– Запутал ты меня совсем! Слушай, – Лёха решил сменить тему, – а что это за имя у тебя, Яр?

– Ярослав, – улыбнулся парень. – У нас так принято обращаться по первым двум буквам.

– Если меня зовут Лёха, значит я Лё? – улыбнувшись, сделал вывод Москворецкий.

– Да, – кивнул Яр, – но в каталоге такого имени нет.

– Что ещё за каталог? – удивлённо спросил Лёха.

– Каталог имён нашего континента, – ответил Яр.

– Как всё у вас мудрёно. А Алексей есть?

– Да, это общеизвестное имя.

– Значит я и Лё, и Ал? Правильно?

– Второе предпочтительнее, – сказал Яр. – Псевдонимы запрещены.

- Это ещё почему? – удивлённо спросил Лёха. – Кому они помешали?
- Слишком много на Земле было совершено зла под псевдонимами, – ответил Яр, – а потому Высший совет их просто запретил. Да и к тому же, они стали совершенно бессмысленными после открытия Закона о всемирной Памяти.
- У меня что-то голова разболелась, – сказал Лё-Ал. – Всё как-то смешалось, нужно передохнуть. Только вот проблема: а чем ужинать-то будем. А? Народ!
- Все молчали, отозвался лишь Матвейка:
- Может, рыбки уловить?
- А на что ты её улавливать будешь? – язвительно спросил Лёха и рассмеялся.
- Если рыба в реке есть, барин, можно и палкой, – не смутился Матвейка.
- Ты это, мужик, – сказал Алексей, – прекращай нас тут баринами погонять, мы все тут равны. Одна беда на всех.
- Понял, ваше благородие.
- Ну, вот, вы гляньте на него, я ему про Ерёму, а он мне про Фому. Ну, какое я тебе «благородие»?
- Прости, барин, неграмотный я. Как надо-то? – Матвейка чуть не заплакал.
- Лёха я! Понимаешь, Алексеем меня кличут. Вот так и называй. Понял? Не барин, не благородие...
- Хорошо, ваше сиятельство, – выпалили Матвейка.
- Ты не доводи меня, Матвей, – нахмурился Лёха и сжал кулаки.
- Так подскажи, барин, как правильно величать-то? – взмолился мужик.
- Так я тебе уже сто раз объяснил. Называй меня Лёхой.
- Нельзя мне так своевольничать, можно и кнута получить...
- Какой кнут? Я тебе что, рабовладелец или помещик? Вот скажи, я похож на помещика?
- Да, ваше благородие, очень похож! – радостно закивал Матвей. – Вылитый наш барин, когда в город собирается.
- Тьфу на тебя, Матвей, ты точно дурак.
- Точно-точно, барин, дурак, каких свет не видывал, так что ты не серчай на меня. Ладно? Я без злой воли, вот тебе крест! – Матвей перекрестился.
- Да пойми же ты, наконец, Матвей, родной ты мой, нет тут теперь ни холопов, ни бар, ни господ, ни товарищей, – Лёха покосился на делегата, тот следил за каждым его движением.
- Товарищи есть! – возразил Трухин.
- Мыкола, успокойся, – сквозь зубы процедил Лёха, – не мешай мне проводить политико-воспитательную работу, а наши с тобой товарищи остались в двадцатом веке.
- Что за фамильярность? Почему вы себя так ведёте? Вы хотите сказать, что сейчас другой век? – раскрыл рот Трухин.
- Я не знаю, спроси у этого, как его, юного Ярополка, что ли. Он тебе всё объяснит.
- Ярослава, – поправил профессор. – Алексей, а Матвея ты не воспитывай, он сам постепенно привыкнет. Ему сейчас трудно понять твои требования. Веками вдалбливали одно, а тут вдруг ты предлагаешь называть себя по имени. Историю учил? Читал про Салтычиху? У них же это в крови перед барином шапку ломать.
- Учту, – вздохнул Лёха, и, обращаясь к делегату, спросил:
- А ты чего, Колёк, всё портфель обнимаешь? У тебя там что, касса партийная, что ли?
- Здесь очень важные документы, я могу их доверить только компетентным органам.
- А ну дай посмотрю! – протянул руку Лёха.
- Да вы что? Я не имею права. Это документы для ЦК КПСС...
- Дай почитаю! – рассмеялся Лёха.
- Не могу, не имею права, – запричитал Трухин. – За это сразу партбилет на стол...

– Я вот не могу понять, – возмущённо произнёс Лёха, – ты тоже дурак, или придуриваешься? Какие документы, какой ЦК? Посмотри, у нас человек из тридцать первого века пришёл, мы все здесь проспали более тысячи лет.

– Это ещё не известно, – заявил Яр.

– Что? – удивился Лёха. – Ты же сам сказал, что уснул в 3027 году. Пошутил, что ли?

– Нет, – сказал Яр. – Но мы ведь не знаем, сколько я тут спал вместе с вами. Если мы обнаружим капсулы, например, пятого или шестого тысячелетия, то...

– Да теперь собственно нам какая разница, – махнул рукой Кирилл Андреевич, – остаётся одно: организовать свой быт и до конца жизни слушать лекции жителя четвёртого тысячелетия. Думаю, нам всем будет интересно послушать.

Дмитрий разместился под деревом, сел на землю, склонил голову и задумался.

– Чего ты, парень? – спросил профессор.

– Грустно как-то, – сказал Дмитрий. – Вспомнил своих родных, друзей, девушку, где они сейчас?

– Эх, брат, они остались навсегда там, в двадцать первом веке. Очень много прошло времени, я сам до конца не могу понять, как это случилось. Но у нас теперь есть очень осведомлённый консультант – человек из будущего. Хотя это для нас он таким является, а может, он для кого-то такой же древний, как мы для него. Не грусти, парень, чтобы не случилось, жизнь продолжается. Читал «Два капитана» Каверина?

– Угу, – кивнул Дмитрий и улыбнулся, – это в детстве была моя любимая книга.

– Так вот! – профессор поднял вверх указательный палец: – «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

– Точно! – твёрдо произнёс Котуков. – Значит, и мы найдём выход из сложившейся ситуации!

– Молодчина, – профессор похлопал парня по плечу. – Обязательно найдём. Кстати, а ты знаешь, откуда взял эти слова Санька Григорьев?

– Нет, – замотал головой Дима.

– Они были вырезаны на могильном кресте, поставленном в Антарктиде на вершине «Обсервер Хилл» в память английского полярного путешественника Роберта Скотта. В оригинале это звучало так: «To strive, to seek, to find, and not to yield!».

Глава 2

Прошло какое-то время. Никому не хотелось вступать в разговоры, каждый размышлял о чём-то своём. Лишь Тоша беззаботно носился по лужайке и иногда лаял на четырехглазое подобие бабочек. Дмитрий уснул под необычным деревом, отдаленно напоминающее берёзу. Москворецкий сначала пытался разговаривать Марию, но поскольку та односложно и неохотно отвечала на его вопросы, в конце концов, умолк и он. Трухин читал какую-то книгу, иногда отрываясь и с опаской поглядывая по сторонам. Матвейка соорудил приспособление для рыбной ловли. Яр и Кирилл Андреевич всё это время провели в пещере. Выйдя оттуда, профессор спросил:

– Ну, что, коллега, есть какие-то соображения?

– Да есть, – ответил Яр, присаживаясь на траву. – Судя по содержимому грота, здесь кто-то организовал хранилище.

– Кто это может быть? – спросил профессор, устраиваясь рядом.

– Точно сказать не могу, но абсолютно убеждён, что это представители внеземного сверхразума, – ответил Яр. – Если бы здесь находились капсулы только из тридцать первого века, то можно было бы подумать на кого-то из землян. Но, согласитесь, как земляне могли заархивировать человека из девятнадцатого или двадцатого веков...

– Погодите, – перебил Кирилл Андреевич, – что значит заархивировать человека?

– Заархивированный человек находится в капсуле. Теперь это очевидно, он и все его предметы при нём могут храниться в таком состоянии очень длительный период. Вы и ваши современники тому наглядный пример. У нас такие эксперименты пока приостановлены Высшим советом, поскольку нам не удаётся после архивации человека восстановить его память. Мы архивируем животных, насекомых, да что угодно, в такую капсулу можно «загнать» хоть дом приличных размеров. Но человека архивировать запрещено. Я просто поражаюсь, как они смогли заархивировать девушку вместе с собакой? Даже мы в четвёртом тысячелетии не могли этого делать.

– Выходит, кто-то много-много лет хозяйничал на нашей планете, – сказал Кирилл Андреевич.

– Да, – согласился Яр. – Вы видели тёмные коридоры от центральной аллеи в пещере?

– Видел, – ответил профессор.

– Я думаю, что здесь хранятся несколько тысяч капсул, – сказал Ярослав.

– Но почему здесь все с территории России?

– Это пока неизвестно, все ли из России... – ответил Яр.

– Интересно, кому это нужно? – спросил профессор.

– Узнав ответ на этот вопрос, мы решим полпроблемы, если не больше, – ответил Яр и добавил: – То, что мы проснулись – это невероятная случайность.

– Да, кстати, меня это очень сильно удивило, – ухмыльнулся профессор. – Открытая пещера, а мы тут спим тыщу лет.

– Обратите внимание на вон ту глыбу? – перебил Яр и указал пальцем на камень рядом с входом в пещеру. А теперь смотрите на левый срез входа. Что вы видите?

– Точно! – воскликнул Кирилл Андреевич. – Это же отколотый кусок от скалы.

– Да, – подтвердил Яр. – Видимо, здесь произошло землетрясение или просто сильный толчок, внутри пещеры посыпались камни, некоторые угодили в ваши капсулы, и вы проснулись...

– Так нам ещё повезло, что этот камень откололся, – покачал головой профессор.

– Повезло и очень сильно, – подтвердил Яр, – поскольку грот был законсервирован. Если бы кусок скалы не отвалился, вы бы погибли внутри пещеры без света и воды.

– Я думаю, – предположил профессор, – капсулы расположены в хранилище по какой-то системе, поскольку мы оказались почти из одной эпохи. Матвей чуть подальше, а остальные все рядом.

– Да, я тоже так думаю, – согласился Яр, – моя капсула находилась в самом конце нашей аллеи. Нужно будет заняться расшифровкой надписей на пластинах из-под капсул. Да, я хотел попросить вас, Кирилл, поговорить с вашими людьми, чтобы они ничего не трогали в гроте и тем более, чтобы ничего не передвигали. Иначе мы потом запутаемся, а тут ещё я отключен от глобальной сети.

– Хорошо, я поговорю. Кстати, – предложил Кирилл Андреевич, – пойдёмте, пройдемся к воде.

– Пошли, – согласился Яр.

Они поднялись с земли и направились к водоёму, решив заодно обследовать близ лежащую территорию.

– Кирилл Андреевич! Кирилл Андреевич! – окликнул Дмитрий, – Вы к реке? Можно я с вами?

– Идём, – махнул рукой профессор, и они отправились втроём.

Подойдя к реке, все трое почувствовали жажду. Они стали пить воду, набирая её в ладони.

– Никогда не думал, что мне в тридцать первом веке придётся вот так утолять жажду, – улыбнулся Яр.

– Да мы, в общем-то, с Дмитрием, и в двадцать первом уже так не пили, верно, Дим?

– Верно! – подтвердил Котуков.

Они все трое расположились на берегу. По воде плавали какие-то птицы, иногда взлетая и садясь на противоположном берегу.

– Насколько мне известно, – продолжил разговор Яр, – в двадцать первом веке люди уже стали понимать, что главное – это сохранение здоровья человека, увеличение продолжительности жизни?

– Понимать-то понимали, но... слишком в нашем веке ещё много несуразностей.

– Было много! – поправил Яр.

– Ну да, – усмехнулся профессор, – конечно, было. Я всё ещё не могу привыкнуть, что всё это осталось в прошлом. Какая-то невероятная история, пока она не умещается в моей голове. Да, кстати, Яр, позвольте узнать, а какова сейчас, в смысле, в тридцать первом веке средняя продолжительность жизни на земле.

– В тридцатом веке нам удалось поставить рекорд – двести лет. Но учёные говорят, что это не предел. В ближайшие два-три века может достигнуть и трёхсот лет.

– Ну, вы даёте, ребята! – улыбнулся Кирилл Андреевич.

– А мне можно вопрос, Яр? – вмешался Дмитрий.

– Конечно можно, – кивнул Яр.

– А вам сколько лет? – спросил Дима.

– Девяносто, – ответил Яр. – Конечно, без учёта сна в гроте.

– Ничего себе! – удивился Дмитрий. – У нас таких называют... называли долгожителями.

– Раньше экология была ужасной, – пояснил Яр.

– Да и до ужасной экологии люди столько не жили, – возразил Дима.

– Согласен, но тогда не была развита медицина, – пояснил Яр. – Сейчас, то есть в то время, когда я жил, разобрались и с экологией, и подняли медицину до небывалых высот.

– Я правильно понимаю, что в тридцать первом веке земляне в атмосферу не выбрасывают миллионы тонн вредных веществ? – спросил Кирилл Андреевич.

– Нет, что вы! – замотал головой Яр. – Это большое, очень тяжкое преступление.

– А как же энергия? Чем вы...

– Всё отсюда, – Яр указал на небо. – Человечество научилось использовать солнечную энергию по максимуму. Да и глупо не использовать то, что лежит на поверхности.

– Нефть, газ и прочее уже не в ходу? – спросил Кирилл Андреевич.

– Лет семьсот точно, – кивнул Яр. – Последний автомобиль на нефти...

– На бензине, наверное, – поправил Дмитрий.

– Да, точно, – улыбнулся Яр, – так вот последний автомобиль на бензине, вернее двигатель к нему, был уничтожен в 2370 году. Это были уже музейные экспонаты. И их запретили запускать.

– А на чём же вы передвигаетесь? – удивился Дима.

– Всё через «паснет». В любую точку земли вас доставят в течение часа. Есть, правда, и индивидуальные эфиролёты. Они работают от солнечной энергии, а передвигаются над землёй с помощью радиоволн.

– А аварии бывают? Сталкиваются? – поинтересовался Дима, он прямо превратился в вопросник.

– Нет, что вы! – рассмеялся Яр. – Они не могут столкнуться. Логистика такова, что они пролетают мимо друг друга даже на расстоянии нескольких миллиметров, но прикоснуться друг к другу не могут. Ими управляет искусственный интеллект. В двадцать восьмом-двадцать девятом веке ещё случались мелкие недоразумения, но теперь это в прошлом. В принципе,

сейчас на земле индивидуальный транспорт не нужен. Смысла в нём нет. Ты вызываешь капсулу на такое количество человек, на какое тебе необходимо, она стыкуется прямо к твоему жилищу, дальше ты выбираешь пункт назначения, и через несколько минут вы на орбите. А ещё через несколько минут космолифт вас спускает к тому месту, куда вы запланировали прибыть. Какие проблемы? Зачем индивидуальный транспорт? Им пользуются государственные деятели, курьеры, дипломаты, жители Марса, Луны и так далее.

– Жители Марса? – Дмитрий раскрыл рот. – Вот это да! На Марсе есть жизнь?

– Да уж давно, мы ещё в двадцать четвёртом веке построили там поселения, как на Луне.

– И на луне? Вот это да! А вы были на Марсе? – спросил Дима.

– Я там работаю, – улыбнулся Яр. – Месяц тружусь на Марсе, потом улетаю и месяц отдыхаю на Земле.

– Здорово! А я могу туда попасть? – неожиданно спросил Дима.

– Конечно, туда можно слетать по туристической карте, – сказал Яр и, вздохнув, добавил: – Только сначала нужно отсюда выбраться.

– Да выберемся, – рассмеялся Дмитрий. – Раз уж проснулись, теперь выберемся.

– А сколько сейчас по времени добираетесь до Марса? – спросил Кирилл Андреевич.

– Есть два вида транспорта, – пояснил Яр, – коммерческий и рабочий...

– Ну, коммерческий, конечно, намного быстрее, – язвительно произнёс профессор.

– Нет, наоборот, – улыбнулся Яр, – коммерческий летит неделю, это туристы, а рабочий – трое земных суток. Я заметил ваш сарказм, коллега, но сейчас у нас на планете всё подчинено в первую очередь целесообразности. Турист отдыхает, а «марсиане» (так мы называем тех, кто трудится на марсе), работают на благо планеты, на благо нашего континента.

– А что значит, на благо континента? – спросил профессор. – Континент – это...

– Это отдельное государство, их теперь на планете пять: наше, Северная Америка, Южная, Австралия и Африка.

– Но вы говорите по-русски, это значит...

– Это значит, что у нас теперь на континенте два государственных языка – Русский и Китайский.

– А как же остальные? – удивился профессор. – Английский, немецкий, итальянский, французский и другие?

– Все сохранены, но они являются региональными языками, – ответил Яр. – А бывший материк Евразия теперь называется Росазия.

– Удивительно, – покачал головой Кирилл Андреевич. – Просто удивительно. В наше время тёмные силы пытались расчленить Россию на мелкие государства, посеять рознь между народами. Значит, сделать это никому не удалось?

– Не удалось! Я не историк, конечно, но у меня здесь много информации... – сказал Яр и постучал себя по голове.

– Да, кстати, – профессор указал на лоб Ярослава, – а что это за анализатор памяти, можете пояснить? А то по вашим законам тридцать первого века вы нас даже в преступники записали.

– Да, сейчас запрещено жить на планете без анализатора. Это не только дополнительный объём памяти, но и индивидуальный аналитический центр.

– Что-то вроде дополнительных мозгов? – спросил профессор.

– Можно и так сказать, – улыбнулся Яр и добавил: – Но самое главное – это ещё и детектор узнаваемости.

– Неужели человек не может без этого обойтись? – задумчиво произнёс Кирилл Андреевич.

– Да, – утвердительно ответил Яр. – Дело в том, что наш мозг не может претендовать на право истины с первого взгляда, поскольку эволюция создала его несовершенным, то есть как

бы в спешке, не учитывая реалий и интерпретаций космического бытия. Наш мозг не способен сразу понимать законы всего мироздания. Именно поэтому после войны в двадцать пятом веке с инопланетянами, внедрение анализатора в мозг человека стало обязательным для всех землян. Это своего рода мощнейший компьютер, дополнительная память, или, как вы выразились, дополнительные мозги, способность анализировать ситуацию, мгновенное распознавание чужепланетца. Почему я и удивился, встретив вас...

– Вы нас приняли за инопланетян? – рассмеялся Дима.

– Да, – подтвердил Яр, – поскольку сейчас на планете вы не встретите землянина без анализатора памяти. Его встраивают в мозг при рождении каждого ребёнка. Это ещё и электронное удостоверение личности, вся родословная человека, его профессиональная принадлежность и так далее.

– То есть все под колпаком государства, – произнёс профессор с сарказмом и тяжело вздохнул.

– Нет-нет, государство в личную жизнь человека без надобности не вмешивается...

– Без надобности..., – усмехнулся Кирилл Андреевич. – В этом и есть подвох...

– Никакого подвоха, – возразил Яр, – у нас очень развита судебная система. Только суд может дать добро на проверку вашей памяти, но для этого нужны очень и очень веские основания. То есть, если вас заподозрили в совершении тяжкого преступления.

– Что это за преступления? – спросил профессор.

– В основном убийство, государственная и планетарная измена.

– Значит, люди продолжают убивать и предавать? – покачал головой профессор.

– К сожалению, да, – сказал Яр. – Наверное, это искоренить невозможно. Люди передвигались на лошадях, затем на автомобилях, теперь на эфиролётах, но в личной жизни ничего не изменилось, они всё так же влюбляются, ревнуют, изменяют, ругаются, завидуют, предают, мстят и так далее. Здесь мы бессильны. Когда на нас напали инопланетяне, они как раз выдвинули нам всё это в качестве претензий и хотели нас изменить, сделать из нас своего рода роботов, правильных и послушных...

– Так не эти ли инопланетяне нас сюда забросили? – спросил Кирилл Андреевич.

– Я думаю, нет. Это какой-то другой гипер-разум. Ещё в ваше время ученые начали изучать звезду Сириус. Вы наверняка знаете о ней. Однако, в двадцать первом столетии не хватало технических возможностей для ее подробного изучения. В наше же время космо-беспилотники стали совершать экспедиции далеко за пределы солнечной системы.

– Даже так? – удивленно спросил Кирилл Андреевич, – в двадцать первом веке это казалось неосуществимым.

– Благодаря этому, – продолжил Яр, – были обнаружены на орбите Сириуса разные планеты. Помимо этого, наши беспилотники стали получать различные сигналы. Но даже мы в тридцать первом веке не могли их расшифровать и изучить. А в последнее время мы стали догадываться, что за нами кто-то следит из космоса. Мы применили все наши возможности обнаружения объектов, но никак не могли понять кто это, но все же они оставляли следы: на орбите Земли мы постоянно находили космический мусор непонятного для нас происхождения. Более того, во все века бесследно и при странных обстоятельствах исчезали люди. Теперь вот становится ясно, где они все... и мы в том числе оказались.

– Вы думаете, здесь хранятся те, кто пропал без вести?

– Подозреваю, что так, – кивнул Яр. – Не все, конечно, но есть и такие.

– Но у вас же этот, как его... микрокомп в голове, – сказал Дмитрий. – Вас должны были засечь какие-то приборы. Как же вас похитили?

– Хм, «как». «Должны были». В заархивированном виде анализатор не действует.

– У меня в голове не укладывается, – сказал профессор, – как можно сжать живое существо до таких размеров, а потом его оживить? Уму непостижимо!

– А вы попробуйте Матвею объяснить, что такое аэродинамика, и почему многотонный металлический самолёт в двадцать первом веке летал по небу и не падал на землю, – рассмеялся Ярослав.

– И то верно! – согласился Кирилл Андреевич.

Неподалёку раздался смех, к собеседникам приближались Мария и Алексей. Он что-то ей рассказывал, та звонко смеялась. Увидев Профессора и Дмитрия с Яром, парень с девушкой пояснили, что их сюда привела жажда.

– Вы пили сырую воду прямо из реки? – удивилась Маша.

– А что делать? – пожал плечами Кирилл Андреевич, – Самоваров нам в пещеру никто не завозил.

– Не представляю, как же её пить? – скрестила руки на груди Маша и, вдруг заметив, что её пудель набросился на воду, закричала: – Тоша, фу! Фу, собака! Что ты делаешь? А вдруг заболеешь?

– Ну, что ты ему фукаешь, – махнул рукой Лёха. – Пусть попьёт.

– Не представляю, чем мне его кормить? – закатила глаза Мария.

– Ты подумай, сначала, что ты сама будешь есть, а она о пуделе беспокоится, – съязвил Лёха.

– Мне не привыкать, – хихикнула Маша, – я могу три дня ничего не есть, жить на одной воде. А вот как быть с Тошей, даже не знаю.

– То есть ты думаешь, что мы провалялись здесь тысячу лет, а теперь за три дня решим вопрос и разъедемся по домам? – язвительно спросил Алексей.

– Ну, так мы же проснулись? – резонно заметила Маша. – Что нам тут теперь делать?

– И твои предложения? – Москворецкий в упор уставился на девушку.

– Найти людей и... ехать домой, – сказала Мария.

– А где наши дома? Кто нас ждёт? – нахмурился Лёха. – И ещё вопросы: ехать, извини, на чём? На разноцветных оленях?

– Обратимся в полицию, объясним, так, мол, и так, нас похитили, а теперь вот мы нашли. У меня, кстати, и паспорт с собой. Даже два – ещё и заграничный, мне недавно выдали на десять лет.

– Ага, как найдёмся, смогаемся в Гоа, – съехидничал Лёха. – Не против?

– Почему в Гоа? – насупилась Мария. – Может, у них другие курорты есть? И вообще, если честно, я не верю во все эти тридцать первые века и так далее. Мне кажется, я этого Ярика видела в турфирме. Вот увидишь, это просто мой «экстрим-тур». Не зря же я пять тысяч долларов заплатила.

– А что это у тебя за телефон? – заметив в руке Марии трубку, спросил Алексей и протянул руку, – дай взгляну.

– Это смартфон, – сказала Мария.

Алексей покрутил его в руке и с удивлением спросил:

– А почему он без кнопок? Как же с него звонить?

– Ха! – ехидно произнесла Мария. – Лёша, какой ты дикий! Тут же сенсорный экран.

– Сама ты дикая, – возмутился Лёха, – сказано же я сплю с 1997 года. Чего ты выпендриваешься?

– Да шучу я, Лёшенька, – рассмеялась Маша. – Ну, тут прямо на монитор нужно давить, кнопки виртуальные. Понимаешь?

– Понимаю. Так сразу и объясни...

Лёха задумался. Затем отошёл к дереву, сел под него и закрыл глаза. Мария долго ходила по берегу, в конце концов, тоже напилась воды из реки с помощью ладоней. Через некоторое время сюда подтянулись и Трухин с Матвеем. Все хотели не только пить, но и есть. Матвей

приступил к рыбной ловле. Остальные стали за ним наблюдать. И вдруг профессор громко рассмеялся:

- Вот уж воистину говорят: один с сошкой, семеро с ложкой.
- У нас чуть по-другому, – поправил Лёха, – один с удочкой, шестеро с ложкой.
- Ничего не по-другому, – возразила Мария, – нас как раз семеро!
- Семеро, но Матвей-то с сошкой! – сказал Лёха.
- Да, Матвей с сошкой, но нас-то семеро с Тошкой.

Услышав рифму, все дружно рассмеялись, а Дмитрий повторил только что родившуюся новую поговорку:

- Матвей с сошкой, а нас семеро с Тошкой.
- Смех смехом, – сказал профессор, – а нам нужно подумать и о ночлеге, и об ужине.

Да и о завтраке не мешало бы. Сегодня уже бессмысленно отправляться на поиски братьев по разуму, во-первых, вечереет, а во-вторых, посмотрите, как небо заволочло, по-моему, собирается дождь.

– Я не могу понять одного, – развёл руками Ярослав, – почему у меня нет связи с космосом. Это настолько невероятно, я даже не знаю, что и думать.

– Твой чип не работает? – поинтересовался Котуков.

– Работает, но в автономном режиме, то есть от энергии моего тела. Но это не главное. Вы же тоже живёте без этого устройства. Оно мне позволяет понимать и говорить на любом языке или адаптировать свою русскую речь к любому столетию, я могу по памяти прочесть любое произведение от древних времён до современных авторов, но без связи с «паснетом», я не могу ни с кем общаться. Даже не представляю, в каком месте мы сейчас находимся. Навигационная система отключена, связи с орбитой нет. Это очень всё странно. Этого просто не может быть.

– Не может быть, но ведь есть, – уныло усмехнулся Дмитрий.

– Не понимаю, что происходит! – ответил Яр. – Я живу в тридцать первом веке и такое...

– Теперь не имеет значения, кто в каком жил веке, друзья, – Кирилл Андреевич, встал и начал прохаживаться. – Мы все оказались в равных условиях. Связи с внешним миром нет, людей рядом с нами не наблюдается, нас семеро человек плюс собака, мы должны позаботиться о том, как нам здесь выжить. И начинать мы должны прямо сейчас. Первое, нужно заготовить дрова, ночью в пещере может быть прохладно, а пледов, одеял, и матрасов нам тут никто не приготовил. Выход один: развести костёр и поддерживать огонь до утра. Кроме того, нужно собрать побольше камней и на ночь загородить вход, чтобы избежать встречи с местными любителями полакомиться человечинкой.

– Господи, боже мой! – вздрогнула Мария, – Какие ужасы вы говорите, Кирилл Андреевич, у меня аж мороз по коже.

– Простите Мария, но сейчас нам не до сантиментов, мы сегодня видели непонятного «оленья», а кто нам даст гарантию, что к нам ночью не пожалует какой-нибудь медведь или лев. Всё может быть! Не молчите, предлагайте свои варианты решения различных вопросов. Я не преувеличиваю, ситуация более чем серьёзная. Проблема в том, что о нас никто не знает. Как минимум мы пролежали здесь около тысячи лет, и никто не пришёл, не поинтересовался, что это за колбочки такие тут стоят. Если бы о нас знали, мы бы все уже давно проснулись и прожили бы свои жизни. Но так вот получилось, что нам предстоит жить всем вместе сегодня и здесь. Думайте, друзья. Усиленно думайте!

Подошёл Лёха и, указывая рукой в сторону пещеры, сказал:

– Взгляните, туда! Ничего не напоминает? Только посмотрите внимательно! Я когда в армии служил, у нас так снаружи выглядело овощехранилище.

– Очень меткое сравнение, – согласился Кирилл Андреевич, кивая головой. – Впрочем, нас здесь и хранили, словно овощи. Только в капсулах.

– Вот-вот! Мне эта мысль не даёт покоя, – сказал Алексей. – Кто и для чего нас тут столько лет хранил? Кому мы понадобились, да ещё в законсервированном виде? Типа огурчики-помидорчики в банках.

– Зато прожил тысячу лет! – усмехнулся и произнёс с сарказмом в голосе Кирилл Андреевич.

– Если честно, меня это как-то не радует, – вздохнул Лёха, – во-первых, не прожил, а проспал. Ну, как это так? Проспать всю жизнь в какой-то яме. А во-вторых, что это такое? – Он раскинул руки и сделал оборот на триста шестьдесят градусов. – Где наша жизнь? Здесь? С этими, – он кивнул в сторону кустов, – четырехглазыми кракозябрами? Эх, – тяжело вздохнул Лёха и, махнув рукой, добавил, – да ладно, переживём. Что теперь хныкать?

В небе раздался гром, сверкнула молния. Все, кроме Матвея, поторопились в укрытие. Мужик, не обращая внимания на небесные проделки, продолжил рыбачить.

Глава 3

Огонь добыли относительно скоро. Помог сибиряк Николай Борисович Трухин. Оказывается, когда он ещё был студентом, с однокашниками любил ходить в походы. В одном из таких походов, они заблудились. Два дня плутали по лесу и лишь на третьи сутки случайно вышли на охотничий домик глубоко в тайге. На их счастье там оказались охотники. Один из них научил студента Трухина, как развести огонь в экстремальных условиях, то есть без спичек и зажигалок. Таких способов, оказалось несколько.

Николай Борисович кряхтел, лохматил листья, тёр об камень какой-то высохший сук, дул на листья, потом снова усиленно тёр, что-то приговаривая. Вскоре раздался радостный крик и аплодисменты, когда появились первые, ещё совсем маленькие сине-розовые язычки пламени. Все подходили к Трухину и пожимали ему руку. Он улыбался и со словами благодарности даже кланялся. Подошёл и Лёха.

– Красавец, Коля, – он крепко пожал руку делегату и похлопал его по плечу. – Теперь я вижу, что ты настоящий большевик: «из искры возгорится пламя!» Правильно говорю?

– Так точно! – довольно улыбнулся Трухин.

– Теперь осталось дожидаться твоего «холопа», и пожарим рыбки, если, конечно, что-то уловит, как он говорит.

– Алексей, ну что вы такое говорите? – смутился Трухин. – Какой ещё мой холоп. У человека просто нарушена психика и...

– Стоп! – Лёха выставил вперёд руку. – Ты это сейчас серьёзно говоришь?

– Вполне! – кивнул Николай Борисович.

– То есть ты так и не понял, что случилось? – нахмурив брови, спросил Алексей.

– Понимаете, в чём дело, – откашлявшись в кулак, начал Трухин, – я материалист, диалектик, так сказать, марксист-ленинист, а у нас с этим строго! Мы не верим во все эти сказочки про бога, про...

– А бог-то тут при чём? – усмехнулся Лёха. – Мы же не о религии сейчас говорим, дескать, прибыли к вратам рая и ждём своей участи.

– Понимаю, – сказал Трухин, – но вы сами верите в то, что человек может проспать тысячу лет? Вы видели египетские мумии?

– Да ну тебя, – махнул рукой Лёха. – Сравнил нас с мумиями. Мы же не как мумии хранились, послушай, что Ярополк рассказывает.

– Ярослав, – улыбнувшись, поправил Трухин. – Ярославом его зовут.

– Ну, Ярослав, какая разница, кратко ведь одно и то же: Яр.

– Честно говоря, – Николай Борисович перешёл на шёпот и приблизился к Лёхе вплотную, – я не верю во всё это. Мне кажется, здесь замешана Мария Николаевна. Вы же слышали,

что она рассказывала о какой-то путёвке? Скорее всего, она попала под чьё-то буржуазное влияние, кто-то запудрил девчонке мозги...

– Ты чего? – раскрыл рот Лёха.

– Да-да-да! – Трухин схватил Москворецкого за пуговицу и начал её крутить. – В Москве очень много иностранных агентов. Они идут на разные хитрости, чтобы...

– Ты что делаешь? – Лёха отстранил руку Трухина от своего пиджака, – ты мне пуговицу оторвёшь.

– Извините, Алексей, это я от волнения, – сказал Трухин, – так вот, чтобы сбить с толку советского человека, агенты...

– Товарищ делегат, – ухмыльнулся Алексей, – ты знаешь, когда человек умирает, он не знает, а другим трудно.

– Согласен, – кивнул Трухин и удивлённо спросил: – А вы это к чему?

– К тому, что, когда человек тупой – всё точно так же!

Николай Борисович нахмурился, почесал указательным пальцем переносицу и уже хотел было отойти от грубияна, но потом всё-таки решил продолжить разговор:

– Зря вы, Алексей, пытаетесь меня оскорбить и унизить. Вы просто, видимо, плохо знакомы с методами империалистических спецслужб. Вы не представляете, насколько коварны их агенты...

– Колёк, остановись, – Лёха положил руку на плечо делегата двадцать шестого съезда, – ты сейчас несёшь полнейшую чушь. Ну, какие агенты? Какое буржуазное влияние? Какие на фиг спецслужбы? Я сам жил в 1997 году. В России давно капитализм, советской власти нет и в помине, партии твоей тоже нет...

– Вы хотите сказать, что и коммунистов нет? – настороженно спросил Трухин.

– Ну, коммунисты есть... вернее были в то время. Только партия их называлась КПРФ, а главный у них этот как его, ну тоже на Ленина похож, лысый и большелобый... как же его... О! Вспомнил: Геннадий Зюганов.

– Геннадий Зюганов? – с изумлением спросил Трухин. – Вы ничего не путаете?

– Не путаю, – замотал головой Лёха. – Вон спросите у профессора, он подтвердит. А чего ты так удивился?

– И он теперь генеральный секретарь?

– Ну, я в ваших должностях не разбираюсь, секретарь он, генеральный, или минеральный... но он был главным у коммунистов...

– А вы не помните его отчество? – спросил Трухин.

– Андреевич, по-моему, – ответил Лёха и, подумав немного добавил: – Да, точно, Зюганов Геннадий Андреевич. Ты мне скажи, почему ты так о нём расспрашиваешь?

– С ума можно сойти! – воскликнул Трухин. – Если это правда, в смысле, если это точно он, то мы с Генкой в конце семидесятых вместе учились в Академии общественных наук. Он в 1980 году защитил кандидатскую диссертацию, что-то там о развитии социалистического городского образа жизни. Мы с ним частенько спорили на различные темы... Так вон оно как обернулось – в руководители партии выбился. Надо же... Ну, Генка, ну, ты даёшь!

– Ладно, пошёл я за дровами, – махнул рукой Лёха, – с тобой бесполезно что-то обсуждать. Заладил: не верю, не верю!

– И вы тоже сразу не верьте. Карл Маркс учил: во всём сомневайся!

Спустя некоторое время в пещере, не далеко от выхода полыхал костёр внушительных размеров. Николай Борисович по периметру огня выложил камни, оставляя между ними небольшие просветы, как он пояснил, для поддувки воздуха.

– Я нарочно разместил очаг ближе к выходу, – объяснял Трухин профессору, – здесь естественная вытяжка, и плюс огонь, жар отпугнёт зверьё всякое.

– Хорошее слово вы употребили, коллега, – улыбнулся Голиков. – «Очаг»!

– Да, – согласился истопник. – Слово замечательное, символическое.

Дмитрий откуда-то из глубины пещеры приволок что-то наподобие металлического шлема, времен древнеримских солдат.

– Смотрите, что я нашёл! – радостно объявил он. – Теперь у нас есть возможность хранить запас воды.

– Молодчина, – похвалил его профессор, – дай-ка я посмотрю, что это такое. Подошли все, чтобы рассмотреть находку.

– Любопытная вещица, – сказал Яр, – но, к сожалению, я не могу сказать что это.

Не смогли ничего сказать и остальные члены сообщества. Кирилл Андреевич предложил Лёхе и Диме:

– Ребята, пока не стемнело, может, вы сходите к реке? Попейте воды, наберите котелок, – он кивнул на шлем, – да заодно узнайте, как там наш рыбак поживает.

– Димон, пошли, – охотно согласился Москворецкий.

Вернулись они втроём, и снова в пещере раздались аплодисменты, в этот раз в адрес Матвея – он умудрился поймать штук десять рыб с ладонь, а одну так вообще полуметровую.

– Вы взгляните на нашего Матвейку из Романовки, – объявил прямо на входе Лёха и, похлопав мужика по спине, добавил: – Барин-то твой, небось, был бы доволен!

– А то как же! – гордо ответил Матвей. – Я в рыбалке всегда был шибко шустрим. Таких вот, – он развёл руки, – налимов вытаскивал, будь здоров.

– Машка, – гаркнул Лёха, – надевай фартук, и на кухню! Будешь у нас заведующей столовой.

– Объявляю матриархат, – объявила Мария в ответ и громко рассмеялась: – Нечего тут мною командовать!

– Ну, раз матриархат, – возразил Лёха, – в следующий раз сама рыбачить пойдёшь!

– Не-не! – испуганно воскликнул Матвей. – Барин шутит! Вы, барыня, не беспокойтесь, я всё сам сделаю: и наловлю, и пожарю. Сидите-сидите, отдыхайте. Не барское это дело, рыбы на кострах жарить!

То, что и рыбы здесь оказались четырехглазыми, похоже, никого уже не смутило.

Матвей, к удивлению всех, действительно справился с обязанностями повара ловко и очень скоро. Через полчаса народ собрался за воображаемым столом. Учтывая, что едоки с утра ничего не ели, ужин показался им царским.

После ужина Голиков Кирилл Андреевич предложил провести собрание. В этот раз поучаствовать согласился даже Николай Борисович.

– Итак, друзья, – начал профессор, – хотим мы этого или нет, но, чтобы выжить в таких необычных условиях, нам нужно избрать руководителя нашего, так сказать, спонтанного товарищества. Какие будут предложения?

– Я считаю, что главным нужно избрать профессора, – тут же предложил Москворецкий.

– Правильно! – поддержала Мария.

– Спасибо, – сказал Кирилл Андреевич и добавил: – Ставлю на голосование! Кто «за»?

Руки подняли все, кроме Матвея и Трухина.

– А вы чего? – спросил Лёха.

– А что нужно делать? – испуганно спросил Матвей.

– Ты согласен, чтобы профессор был у нас за главного?

– А кто моего мнения спрашивать-то будет? – раскрыл рот Матвей.

– Так вот же я у тебя и спрашиваю: согласен или нет?

– Согласен-согласен, ваша светлость!

Все рассмеялись. И лишь Трухин сидел с серьёзным выражением лица.

– А ты чего, Коля? – обратился к нему Лёха.

– Я воздержался! – ответил Николай Борисович.

– Это ещё почему? – удивлённо спросил Лёха. – Ты против коллектива, что ли?

– Нет, не против, – поправил Трухин, – просто я воздержался.

– Так, ребята, – вмешался Голиков, – принуждать никого ненужно. Николай Борисович прав на все сто. Он пока не определился. Остальным спасибо за оказанное доверие.

– А как мы назовём вашу должность? – поинтересовалась Мария и тут же предложила: – Давайте Генеральным директором.

– Ага? – усмехнулся Лёха. – Мы что тут турфирму твою открываем?

– Ну, почему сразу мою? – возмущённо воскликнула Мария.

– Я предлагаю назвать секретарём ячейки! – отозвался Трухин.

– А тебе всё ячейки и парткомы снятся, – хмыкнул Москворецкий. – Как голосовать, так он воздержался, а как должность придумывать, он в первых рядах.

– Ну, тогда давайте назовём председателем, – сказал Трухин, пропустив замечание Алексея.

– У нас же не колхоз тут? – возразил Лёха.

– Вам всё не нравится, Алексей! – ответил Трухин. – Тогда сами предложите.

– Я предлагаю назвать профессора главарём? – вдруг выпалил Лёха.

– Ну, уж нет, – рассмеялся Голиков. – Никаких главарей. Мы что тут Али-баба и сорок разбойников?

– Предлагаю «спикер», – заявил Яр.

– Это еще кто такой? – удивился Лёха.

– Так у нас называют руководителей, – пояснил Яр.

– По большому счёту всё это формальности, – сказал Кирилл Андреевич, – но я бы согласился с Николаем Борисовичем. Как ни крути, друзья, а мы только что создали самый настоящий колхоз, то есть, по сути, коллективное хозяйство. Так что «самозванцев нам не надо, председатель буду я» – в годы моего студенчества ходила такая шутка.

– Что ни час, то новости, – поднял руки вверх Лёха, – вот и докатился: был авторитетным чуваком, стал колхозником.

Снова в пещере раздался смех, шутка понравилась. После того, как присутствующие успокоились, слово взял председатель:

– А теперь, друзья, на правах руководителя нашего сообщества, позвольте сделать ряд заявлений. Первое наперво, прошу всех выполнять мои требования теперь беспрекословно. Поймите, это нужно не мне, прежде всего, это необходимо каждому из вас. Запомните: главная задача – сохранить наши жизни. Если мы не будем выполнять элементарные требования и условия техники безопасности, у нас могут очень скоро наступить большие проблемы.

– Можно подумать, они сейчас маленькие, – буркнул Москворецкий.

– Вы правы, Алексей, – согласился профессор, – но мы пока все живы и здоровы.

– Что значит, пока? – испуганно произнесла Мария.

– А то и значит, что пока живы и здоровы, но в любой момент может всё измениться. Так что, друзья, для начала давайте проведём ревизию нашего коллективного имущества. Прошу выкладывать все предметы сюда, на середину, – Кирилл Андреевич указал на небольшую гладкую каменную площадку перед собой. – Проверьте свои карманы, сумочки, портфели. Выкладывайте всё, может пригодиться любая мелочь.

Кирилл Андреевич, первым вынул из кармана пиджака авторучку, расчёску, носовой платок, мобильный телефон, ключи. Его примеру последовал Алексей, на площадке появился перочинный нож, ключи от автомобиля, пачка американских долларов, документы. Мария просто вытряхнула в центр площадки содержимое своей крошечной сумочки. У Дмитрия в карманах оказался только смартфон. Николай Борисович заявил:

– Поймите меня правильно, товарищи, документы я выложить не могу, а вот всё остальное – пожалуйста.

Он выудил из портфеля, маленькую бутылку армянского коньяка и поставил её в центр площадки.

– Ах ты, шалунишка, – рассмеялся Лёха. – С бутылочкой на съезд собрался?

– Я не злоупотребляю, – начал оправдываться Трухин. – Это, так сказать, на всякий случай...

– Как раз тот случай и наступил, – серьёзно сказал Кирилл Андреевич. – Мы можем использовать коньяк при необходимости в медицинских целях.

– Не возражаю, – закивал Трухин. – Можно сказать, я его с такой целью всегда и беру с собой.

– Какой предусмотрительный товарищ! – съязвил Лёха. Николай Борисович покосился на него, но ничего не ответил.

Портфель Николая Борисовича оказался очень вместительным, на площадку вскоре переключали подтяжки, запасной ремень, две книги, аудиокассеты, металлический сувенир с рисунком, как пояснил хозяин, театра оперы и балеты, и с надписью «Красноярск», пачка бумаги, конверты и... обитатели пещеры даже не поверили своим глазам. На площадку лег ленточный автомобильный трос.

– Мужик, – рассмеялся Лёха, – а зачем ты с собой трос таскаешь?

– У нас в Красноярске дефицит, такой днём с огнём не сыщешь, вот и купил на одной из железнодорожных станций, тётка на перроне продавала, – Николай Борисович покраснел, – что поделаешь, иногда вот... приходится к спекулянтам обращаться.

– Почему «к спекулянтам»? – спросил Лёха. – У тётки бизнес такой... А-а-а, – неожиданно вспомнил он, из какого времени Трухин, – понял-понял. Сколько метров трос?

– Десять! – ответил Трухин.

– Пригодится, – одобрительно покачал головой Кирилл Андреевич.

– А бумажничек-то замылил? – съязвил Лёха, заглянув в портфель через плечо Трухина.

– Не думаю, Алексей, что вам понадобятся, мои документы и мои личные сто двадцать рублей? – обиженно произнёс Николай Борисович и захлопнул портфель.

– «Мои личные» – повторил Москворецкий. – Вон, видишь? – Лёха указал рукой на площадку. – Я свои баксы выложил. Ты думаешь, я их где-то стырил? Это тоже мои личные и честно заработанные. Понял?

– Друзья, спокойно, – остановил Кирилл Андреевич спорщиков и обратился к Яру: – У вас ничего с собой не было?

– В этом не было никакой необходимости, – пожал плечами Ярослав, – при помощи «паснета» можно мгновенно скачать любую вещь и тут же её разархивировать...

– Понятно, – кивнул председатель, – так, что у нас здесь есть? Вы не волнуйтесь, друзья, сейчас мы отберём необходимое, остальное заберёте обратно. Мария, это ваша пилочка для ногтей?

– Да! – подтвердила Маша.

– Пока забираем, может пригодиться. Дальше – все ключи, перочинный ножичек... Так это что? Зеркало! Тоже изымаем, очки, визитки нам не нужны...

– Простите, товарищи, – неожиданно вспомнил Трухин, – у меня вот ещё какая вещица в боковом отделении завалилась.

Он положил в центр площадки лупу.

– Отлично, – сказал профессор и, перебрав ещё какую-то мелочёвку добавил: – Не густо, но всё же кое-что есть. Остальное забирайте. Да, и мобильные телефоны оставьте здесь, чтобы не потерялись. Они всё равно вам не нужны, но вдруг для чего-то пригодятся.

Кирилл Андреевич аккуратно всё сложил на полку рядом с выходом. И объявил:

– А теперь, други мои, небольшая лекция. Или, если хотите, инструктаж. Любой желающий поделиться своими соображениями, милости прошу. Значит так. Мы не должны забы-

вать вот о чём: выживание в экстремальных условиях, а я думаю, все понимают, что мы в таких оказались, – это в первую очередь вопрос психологический. Поэтому желаю всем бодрости духа, позитивного настроения, смелости и надежды. С огнём и водой у нас проблем нет. Это очень хорошо. Можно сказать, нам повезло. С пищей, надеюсь, решим. Дальше нам необходимо позаботиться о ночном сне, о комфортном сне, в первую очередь речь идёт о тепле в пещере. Сегодня уже поздно, а завтра мы должны организовать каждому из нас удобные постели – из сухой травы, какие-то ветки связать, и тому подобное.

– Кирилл Андреевич, а вдруг тут какие-то чудища живут? – Спросила Мария.

– Вот-вот, как раз я об этом и хотел сказать.

– О чудищах? – с ужасом спросила Мария и закрыла ладонью рот.

– Да, о них, – улыбнулся профессор. – Послушайте одну притчу. Один путник долго-долго шёл по заснеженной тундре, замёрз, продрог, а впереди ни конца, ни края. Идёт и думает: вот бы сейчас тёплую избу, да с банькой, попариться, погреться. И на тебе – видит, стоит домик. Путник туда, а там тепло, уютно, рядом с домом натопленная баня. Попарился мужик, отогрелся и думает: эх, сейчас бы отобедать! Пожалуйста, посреди избы вырос стол с деликатесами. Покушал путник и думает: теперь поспать бы. И в углу появилась кровать с периной, одеялами и подушками. Выспался мужик, лежит утром и думает: а кто же всё это организовал мне? Вдруг это какие-то чудища? И что вы думаете – открывается дверь и в избу входят чудища, как у Гоголя в «Вие», помните? Увидел мужик их, схватился за голову и сам себе говорит: да они же съедят меня! И чудища съели путника...

– Какой кошмар! – шёпотом произнесла Мария.

– Да, отличная притча, – рассмеялся Алексей. – Так что, Машка, не притягивай к нам отрицательную энергию. Думай о хорошем! Поняла?

– Можно подумать, я тут одна переживаю! – парировала Мария.

– Мария Николаевна, – сказал Кирилл Андреевич, – не переживайте, у вас шестеро мужчин-защитников. Выдюжим!

– Спасибо, – улыбнулась Мария.

– Идём дальше, – профессор продолжил своё председательское выступление. – В связи с вышесказанным, я предлагаю организовать ночное дежурство. Мы не имеем права спать все одновременно. Кто-то один всегда должен бодрствовать, то есть, будем называть вещи своими именами, находиться в карауле. Каковы мои соображения на этот счёт? Мария, как женщина, освобождается от такой обязанности.

– Возражений нет, – раздался голоса.

– Прекрасно, – продолжил Кирилл Андреевич, – тогда предлагаю освободить от обязанностей ночного дневального Матвея, поскольку, мы поручаем ему заниматься добычей и приготовлением пищи. Матвей, справишься?

– Буду стараться, ваше благородие! – выпалил Матвей.

– Молодец, – похвалил профессор. – Итак, дежури по очереди, первую ночь буду дежурить я. Кто следующий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.